

Е.В. Саворская*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СЕТИ КАК ОБЪЕКТ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРОБЛЕМ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1*

Статья посвящена анализу потенциала применения сетевого подхода и концепции политических сетей к изучению проблем глобального управления. Через сравнение различных определений глобального управления продемонстрирована методологическая ценность его восприятия как взаимодействия субъектов, не связанных иерархическими отношениями. Приведены примеры плюралистических и государственно-центричных типологий политических сетей. Представлены взгляды зарубежных ученых на условия возникновения и функции политических сетей. Рассмотрены различия между функционированием национального и наднационального «путей доступа» к процессу принятия решений, используемых стейкхолдерами на региональном (в рамках Европейского союза) и глобальном уровнях. Особое внимание уделено рассмотрению Всемирного экономического форума в качестве примера альтернативного пути доступа к определению глобальной повестки дня.

Ключевые слова: глобальное управление, многоуровневое управление, политические сети, сетевой подход, теория организаций, теория международных режимов, транснациональные акторы, неправительственные организации, процесс принятия решений, пути доступа, Всемирный экономический форум.

Для современного состояния международных отношений характерна высокая степень экономической и социальной взаимозависимости акторов, которая привнесла в сферу государственного управления целый ряд трудностей.

Во-первых, проблема регулирования различных аспектов политики приобрела глобальный характер. Значительная доля вопросов, встающих перед правительствами суверенных государств, не может быть решена ими самостоятельно. Простым примером может послужить задача определения финансовой и экономической политики в условиях глобального кризиса: если раньше государства решали экономические проблемы в значительной степени автономно, то в настоящий момент эта сфера их деятельности нахо-

* Саворская Екатерина Владимировна — кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: esavorskaya@gmail.com).

дится в большей зависимости от внешних факторов [Benner et al., 2002].

Во-вторых, стремительное развитие информационных технологий и средств массовой информации оставляет все меньше времени на принятие решений [Кокосин, 1999]. Иерархичные бюрократические структуры часто оказываются недостаточно оперативными и одновременно ограниченными в доступе к экспертному знанию для того, чтобы эффективно функционировать в условиях постоянно меняющейся внешней среды, особенно в кризисных ситуациях [Streck, 2002].

В-третьих, непрерывно усложняются глобальные вызовы, которые все чаще выходят за рамки одной предметной области и требуют вмешательства все большего числа институтов и нередко — нового экспертного знания [Benner et al., 2002: 2]. Например, решение проблемы голода связано не только с предоставлением гуманитарной помощи, но и с развитием сельского хозяйства, что в свою очередь поднимает вопрос о генно-модифицированных продуктах и возможных рисках, связанных с их употреблением. Одновременно комплексность проблем, стоящих перед международным сообществом, влечет за собой выработку более сложной политики, что также усложняет задачу определения причинно-следственных связей [Keohane, 2003].

Кроме того, все чаще встает вопрос о легитимности и прозрачности политического процесса на всех уровнях. В этих условиях неправительственные организации (НПО) и общественные объединения стали важными механизмами, обеспечивающими доступ к процессу принятия решений для заинтересованных стейкхолдеров¹, а включение в эту процедуру представителей бизнеса и гражданского общества является одной из первоочередных задач на пути к формированию системы глобального регулирования [Benner et al., 2002].

Трансформация Вестфальской модели мира и прогрессирующие механизмы надгосударственной интеграции в значительной степени привели к тому, что наднациональное управление пере-

¹ Стейкхолдер (от англ. stakeholder) — буквально переводится как «держатель доли». В экономической науке наиболее широкое распространение получило определение стейкхолдера, предложенное в начале 1980-х годов специалистом в области менеджмента Р.Э. Фриманом. Он причислил к стейкхолдерам всех физических или юридических лиц, которые способны повлиять или на которых может оказать влияние деятельность фирмы. Таким образом, в их круг входят не только непосредственные держатели акций, но и сотрудники, ее клиенты, а также все, с кем может даже косвенно быть связана работа фирмы: национальные правительства, неправительственные организации, инвесторы, потребители, поставщики и т.д. В настоящее время данный термин активно используется в зарубежной политологии.

стало быть лишь объектом из области футурологии, и его стали рассматривать как реально складывающийся элемент международной политической системы, которому присущи свои закономерности эволюции. Эти закономерности нашли свое отражение в рамках концепции глобального управления в различных ее вариациях, а на региональном уровне, прежде всего применительно к Европейскому союзу, получили свою глубокую концептуализацию в теории многоуровневого управления (англ. — *multilevel governance* — *MLG*)².

Концепция политических сетей в силу ряда своих особенностей [Knoke, Kuklinski, 1982; Knoke, 1990; Rhodes, 1997, 1981; Rhodes, Marsh, 1992; Bevir, Rhodes, 2003; Сморгунов, 2001a, 2001b] представляет собой методологически весьма эффективное дополнение к двум указанным концепциям надгосударственного управления. В то же время на глобальном уровне в связи с отсутствием единой системы властных институтов, чьи решения были бы обязательными для суверенных государств, в условиях значительно более низкой степени интеграции по сравнению с региональным уровнем (например, в рамках ЕС) проблематика политических сетей раскрывается в совершенно иных аспектах. В этой связи рассмотрение соотношения концепции политических сетей и концепции глобального управления представляет отдельный исследовательский интерес.

* * *

Основу концепции глобального управления, формирование которой началось в 1990-х годах, после краха биполярного миропорядка, составили теория организации, теория международных режимов и теория глобальных трансформаций [Барабанов и др., 2007]. По мнению американского специалиста Т. Бириштекера, концепция глобального управления допускает весьма широкую трактовку в связи с тем, что ее упоминание и применение как в академических кругах, так и в реальной политической практике «во много раз превышает то количество раз, когда она была четко и

² Два ведущих специалиста по проблемам европейского многоуровневого управления — Г. Маркс и Л. Хуге — выделяют два подхода к многоуровневому управлению. Согласно первому подходу, который принято называть федералистским, при многоуровневом управлении распределение властных полномочий происходит между ограниченным числом юрисдикций на ограниченном числе уровней. Юрисдикции при данном подходе относительно стабильны, как правило, обладают широкими полномочиями и в большинстве случаев не пересекаются. Согласно второму подходу, многоуровневое управление представляет собой сложную, подвижную систему, состоящую из колоссального количества пересекающихся юрисдикций. В этой системе институты обладают взаимозаменяемыми и достаточно ограниченными компетенциями. В литературе данный подход получил название функционального [Стрежнева, 2009: 38–49; Bache, Flinders, 2004; Hooghe, 1996; Hooghe, Marks, 2001a, 2001b].

аккуратно описана» [Biersteker, 2009: 1–2]. Таким образом, данный термин в литературе применяют для описания широкого круга различных практик и систем управления, в том числе формализованных на международной арене [Biersteker, 2009: 1].

Действительно, на начальном этапе формирования концепции, пришедшемся на 1990-е годы, четкого представления о самом явлении не было, его определения носили расплывчатый характер и скорее служили цели «описать всеми разделяемое ощущение наступивших перемен» [Dingwerth, 2008]. Как указал один из основоположников концепции глобального управления Л. Финкельштайн, термин «управление» применяется потому, что пока что нет четкого понимания того, «как описать то, что сейчас происходит» [Finkelstein, 1995].

Центральный для данной концепции термин «управление» (governance) весьма важно отличать от термина «правительство» (government). Несмотря на определенную видимую близость данных понятий, они все же в значительной мере отличаются друг от друга: «правительство» подразумевает наличие определенных институтов, осуществляющих свои властные полномочия, а «управление» — воплощение социальных функций и протекание определенных процессов, направленных на сохранение существующей системы. Из этого вытекает еще одно существенное различие между данными терминами. Власть правительства основана на кодифицированных нормах, в то время как в рамках управления власть осуществляется посредством сложившихся практик, чаще всего не имеющих под собой юридической основы. Это фактически исключает наличие гарантий, что существующие обязательства будут выполнены [Rosenau, 2002: 71–73].

По убеждению европейских политологов К. Дингверта (Университет Бремен, Германия) и П. Паттберга (Университет Врије, Амстердам, Нидерланды), причина отсутствия единого представления о глобальном управлении сокрыта именно в разном толковании термина «управление» [Dingwerth, Pattberg, 2006: 188]. Т. Вайс, американский политолог, специализирующийся на изучении ООН, также указывает на этот факт и отмечает, что «многие ученые и эксперты-международники применяют термин “управление” для описания сложного комплекса государственных и частных структур и процессов, в то время как публицисты склонны приравнивать его к понятию “правительство”» [Weiss, 2000: 795].

Таким образом, сложилась ситуация, при которой нет единого и общепринятого определения понятия «глобальное управление». Ф. Мюллер и М. Ледерер утверждают, что это не связано с некомпетентностью ученых или политиков, а указывает на сложность описываемого феномена. По их убеждению, из-за различий в по-

литических взглядах единого мнения относительно ее определения или видения быть не может и не должно [Müller, Lederer, 2003]. Ученые выделили три направления в определении глобального управления, встречающиеся в специальной литературе: *отрицание*, *позитивное определение* и более позднее направление — *определение от противного* [Müller, Lederer, 2003].

Отрицание, как это видно из названия, сводится к отказу от признания того, что нечто похожее на глобальное управление существует в реальности или имеет право на существование. Данный подход зиждется на государственно-центричных теориях международных отношений. Даже исследователи, готовые рассматривать в рамках данного подхода новых транснациональных акторов, все же стремились вписать их в канву взаимоотношений суверенных государств или в систему отношений с органами ООН [Müller, Lederer, 2003].

Позитивное определение основано на стремлении описать все новые сложившиеся практики на глобальном уровне. Примером служит определение, предложенное Комиссией ООН по глобальному управлению (Commission on Global Governance) в 1995 г., согласно которому глобальное управление является «совокупностью механизмов (способов), с помощью которых индивиды и институты, государственные и частные, решают общие для них вопросы» [Commission on Global Governance, 1995]. Это весьма широкое определение, как и в целом доклад, дало импульс развитию концепции глобального управления, поскольку зафиксировало признание данной концепции со стороны официальных международных органов.

«Позитивным» можно назвать и определение, предложенное в 1997 г. Дж. Розенау, одним из ведущих американских специалистов в области ТМО. По его мнению, к глобальному управлению следует отнести «все структуры и процессы, необходимые для поддержания хотя бы малой части публичного порядка и движения к осмыслению коллективных целей на всех уровнях международного сообщества» [Rosenau, 1997: 367].

Л. Финкельштайн определяет глобальное управление как «осмысленную целенаправленную деятельность для контроля или влияния на кого-либо (что-либо), находящегося на международной арене или чья деятельность осуществляется на ином уровне, однако оказывает влияние на международный» [Finkelstein, 1995: 367].

Более позднее определение, сформулированное Р. Кохейном, звучит следующим образом: «Глобальное управление относится к нормотворчеству и осуществлению власти на глобальном уровне, однако не обязательно субъектами, наделенными данными полномочиями всеобщим согласием. Глобальное управление может

осуществляться суверенными государствами, религиозными организациями, корпорациями, а также правительственными и неправительственными организациями. Ввиду отсутствия глобального правительства глобальное управление подразумевает стратегическое взаимодействие между субъектами, не связанными формализованными иерархическими отношениями» [Keohane, 2003]. В данном определении акцент сделан на отсутствие иерархических отношений, что косвенно указывает на сетевую форму организации как новую альтернативу иерархиям, которая, однако, не всегда способна повысить управляемость системы [Суслов, 2008].

Приверженцы *определения от противного* описывают глобальное управление исходя из того, чем оно не является, т.е. рассматривают глобальное управление как антитезу «глобальному правительству» [Rosenau, Czempiel, 1992] или же как политический ответ экономической глобализации [Müller, Lederer, 2003]. Один из основоположников теории глобального управления Дж. Розенау определил глобальное управление от противного как «порядок, при котором отсутствует централизованная власть, однако имеется возможность исполнять решения на глобальном уровне» [Rosenau, Czempiel, 1992: 7]. Представляется, что данная точка зрения в наибольшей степени отражает сложившуюся практику взаимодействия на глобальном уровне.

Сетевой подход и концепция политических сетей³ открывают широкие перспективы для международных исследований, поскольку их базовые положения и инструментарий позволяют изучать не только политические и иные сети, но и структуры на международном уровне [Hafner-Burton et al., 2009].

С позиций сетевого подхода глобальное управление можно охарактеризовать как «результат деятельности неиерархичной сети, связывающей международные и транснациональные институты, в которой не только НПО и международные режимы, но и транснациональные режимы определяют поведение акторов. <...> Для глобального управления характерны снижение роли государств

³ Важно различать концепцию политических сетей (policy network theory/concept), сетевой подход (network approach) и сетевой анализ (network analysis). Сетевой подход является более широким понятием и применяется в исследованиях, выходящих за рамки политической науки. Сетевой анализ — понятие иного порядка, метод исследования, а не концепция. Наиболее общепризнанное определение политической сети было сформулировано немецким политологом Т. Берцель, которая под политической сетью предлагает понимать набор относительно стабильных, неиерархичных отношений разнообразных взаимозависимых акторов, разделяющих общий интерес относительно вырабатываемой политики и обменивающихся имеющимися ресурсами для достижения поставленных целей, признавая тот факт, что сотрудничество является наиболее подходящим для этого методом [Börzel, 1998: 253–273].

и возрастание активности негосударственных акторов в процессе создания норм и правил, а также в процессе мониторинга за их соблюдением. Концепция глобального управления сопоставима с концепцией многоуровневого управления в том смысле, что процесс управления протекает не только на национальном и международном уровнях, но и на субнациональном, региональном и местном» [Bruhl, Rittberger, 2001: 2].

В этом случае сеть можно рассматривать в качестве альтернативной формы организации, подходящей для осуществления коллективных действий, сотрудничества, а также для оказания влияния на принятие решений. Классический пример транснациональной сети — движение антиглобалистов. Сети являются значимыми акторами на международной арене, поэтому изучение их влияния на мировые политические процессы, а также исследование воздействий внутрисетевых транзакций и отношений на внешние сетевые эффекты представляются перспективными направлениями для политической науки.

Обращение к сетевому подходу при анализе современной мировой политики тем более целесообразно, что, как отмечает Р. Кохейн, для современного международного сообщества характерна сетевая взаимосвязь между его членами, выходящая за рамки отдельных государств, регионов или организаций [Keohane, 2003]. Подобного убеждения придерживается и основательница Института глобальной публичной политики Ш. Штрек, указывая на возникновение сетевой взаимосвязи между экономиками и обществами, которые помимо всего прочего плохо поддаются регулированию со стороны национальных законодательств [Streck, 2002]. Из этого следует вывод, что национальное государство неспособно полностью контролировать каналы сетевого взаимодействия, выходящего за его территориальные границы [Carroll, 2009: 289–314; Сергеев, Казанцев, 2007: 18–30; Сергеев и др., 2007: 8–17].

В настоящий момент большое число разнообразных негосударственных образований — от НПО и крупных корпораций до международных террористических организаций и наркокартелей — функционируют на глобальном уровне; некоторые из них обладают достаточным объемом необходимых ресурсов для того, чтобы быть включенными в политический процесс. Многие из этих образований, особенно НПО, являются более однородными с точки зрения представляемых интересов, чем национальные государства, что дает им преимущество перед последними при определении политических целей в отдельных предметных областях [Keohane, 2003]. Что не менее важно, религиозные объединения и организации часто обладают большим числом сторонников, чем действующие правительства.

Возникающие новые механизмы глобального регулирования призваны оперировать сразу на нескольких уровнях, однако, поскольку нет единого регулирующего органа и не хватает сколь угодно единых ценностных ориентиров, нет и гарантии, что принципы и практики, успешно функционирующие в рамках отдельно взятого государства, с тем же уровнем эффективности будут работать на глобальном уровне [Keohane, 2003].

Таким образом, глобальное регулирование с помощью международных организаций, уставы которых основаны на ценностных ориентирах государств Вестфальского типа, не всегда оказывается эффективным в новых условиях; некоторые из норм, закрепленных в международном праве, противоречат друг другу, а международное взаимодействие все чаще сталкивается с феноменом политики двойных стандартов⁴. Можно предположить, что отчасти и по этой причине на глобальном уровне формируются политические сети, функционирующие на основе универсальных принципов взаимовыгодного ресурсного обмена. Как отмечает Д.М. Фельдман, «в международно-политических отношениях всех акторов всемирной политической сети действуют нормы и правила, отличающиеся от норм и правил, принятых в системе взаимодействия любых современных государств. Это отличие состоит не только в том, что правила сети не легитимизированы и институционально не оформлены. Не менее важно и то, что они представляют собой правила взаимоотношений отдельных, чаще всего разнородных акторов, преследующих на мировой арене свои частные (или более или менее временно совпадающие групповые) интересы. Главным и общим для этих правил является то, что все они ориентированы на получение наибольшего эффекта от взаимодействия с другими акторами мировой политики» [Фельдман, 2012].

Исходя из этого, можно заключить, что политические сети на международном уровне возникают спонтанно вокруг отдельных проблем. Как и сети, образующиеся на иных уровнях, их отличают минимальная иерархия отношений или полное ее отсутствие, а также широкий круг участников из разных проблемных областей, взаимодействующих на основе принципов взаимовыгодного ресурсного обмена для достижения общих целей.

В идеальных условиях, согласно исследованиям Ш. Штрек, для эффективного функционирования такая сеть должна включать представителей: гражданского общества (ресурс легитимности), НПО (координационный ресурс), бизнеса (финансовый ресурс) и власти (властный ресурс) [Streck, 2002].

⁴ Большой интерес в этой связи представляет исследование соотношения процессов глобализации с такими понятиями, как «справедливость» и «этика» [Алексеева, 2011: 18–22].

Отсутствие одного из элементов с большой долей вероятности может негативно сказаться на эффективности сети в целом. В зависимости от ситуации один из элементов способен восполнить недостающий ресурс, однако это не всегда возможно; обеспечение властного ресурса не со стороны государства маловероятно.

Необходимо отметить, что в силу новизны данного направления исследований не существует единой общепризнанной типологизации политических сетей на глобальном уровне. Большую часть существующих типологий можно условно назвать «плюралистическими», поскольку они признают возрастающую роль неправительственных акторов в политическом процессе на общемировом уровне. Так, Д. Стоун в своей работе «Транснациональные политические сообщества и их сети» выделяет пять типов глобальных политических сетей [Stone, 2008: 31]:

1) *транснациональные коалиции адвокации*⁵, состоящие из НПО, активистов и иных акторов, чья мотивация обоснована общими для всех ее членов ценностными ориентирами, а основная деятельность направлена на распространение информации и защиту прав; в то же время сети данного типа, как правило, слабо интегрированы в политический процесс и в основном стремятся оказать влияние на определение глобальной повестки дня;

2) *бизнес-сети и ассоциации*, занимающиеся налаживанием экономических связей и совместным обеспечением своих политических интересов;

3) *трансправительственные сети*, состоящие из государственных чиновников различного ранга (более подробно речь о данных сетях пойдет далее);

4) *сети глобальной публичной политики*, имеющие наиболее широкое представительство: в их состав входят НПО, представители бизнеса, правительств национальных государств и международных организаций. Деятельность таких сетей направлена на поиск совместных решений проблем глобального характера путем обмена мнениями, информацией, а также различными ресурсами. Таким образом, подобные сети обладают достаточно высокой степенью включенности в политические процессы;

5) *информационные сети и эпистемологические сообщества*, осуществляющие интеллектуальную и научную поддержку процесса разработки политики, вступая во взаимодействие с представителями международных организаций и национальных правительств.

⁵ Английское слово «advocacy» переводится на русский язык как «защита прав», «пропаганда», «отстаивание идей». Поскольку ни один из этих терминов в отдельности не отражает специфики описываемого Д. Стоун явления, использование кальки с английского в данном случае представляется оправданным.

Существует, однако, и государственно-центричный подход к исследованию политических сетей на глобальном уровне. В наиболее полном виде он представлен в работе А.-М. Слотер «Новый мировой порядок» [Slaughter, 2004]. Автор описывает функционирование на международном уровне сетей, разделяя их на глобальные и правительственные. К глобальным сетям А.-М. Слотер относит «темные» сети: террористические, специализирующиеся на отмывании денег, работорговле, незаконной торговле оружием, наркотиками, интеллектуальной собственностью и пр. [Slaughter, 2004: 1]. Под правительственными сетями, действующими на глобальном уровне, эксперт понимает «сети, состоящие из представителей правительств национальных государств, которые были либо избраны путем голосования, либо назначены избранными официальными лицами» [Slaughter, 2004: 4]. Данные сети, по ее мнению, не заменяют существующую систему международных институтов, а скорее дополняют и укрепляют ее [Slaughter, 2004: 19].

По мнению А.-М. Слотер, национальное государство сохранило за собой статус наиболее важного игрока на международной арене, но начало фрагментироваться на составные институциональные структуры, которые напрямую контактируют с аналогичными институтами других государств, невзирая на национальные границы, однако при этом соблюдая и представляя интересы своей страны. Государства в свою очередь сохранили механизмы «реагрегации»⁶ интересов отдельных институтов, что позволяет им при необходимости взаимодействовать друг с другом в качестве целостных акторов. Сети же функционируют параллельно или в рамках традиционных межправительственных организаций [Slaughter, 2004: 18]. Глобальные правительственные сети способны выполнять функции глобального регулирования в судебной сфере, сфере законотворческой деятельности и сфере администрирования.

Несмотря на большое разнообразие возможных направлений деятельности сетей на глобальном уровне, можно выделить следующие их основные функции [Streck, 2002: 5–7].

1. *Определение глобальной повестки дня.* Политические и иные сети способны влиять на глобальную повестку многими способами — от создания информационного фона вокруг имеющейся проблемы путем взаимодействия со СМИ до «закладки идей» (ideas planting) во время разнообразных мероприятий.

2. *Определение стандартов.* Важной функцией данных сетей является возможность в условиях ограниченности во времени опре-

⁶ «Реагрегация» (объединение заново) в концепции А.-М. Слотер противопоставлена дезагрегации — распаду государства на отдельные институты.

делять «мягкие правила» и квазизаконные инструменты для последующей формализации или же предлагать временные «правила игры», прежде чем будет найден компромисс.

3. *Генерирование, сбор и распространение информации.* Государство зачастую уступает представителям НПО и частного сектора в части обладания экспертным знанием. Сети располагают логистическим преимуществом, позволяющим им быстро и эффективно собирать и распространять информацию. Кроме того, существуют сети, специализирующиеся на подобной деятельности, например Глобальное водное партнерство (Global Water Partnership).

4. *Повышение эффективности институтов.* Сети способны повышать уровень эффективности деятельности различных институтов, сокращая организационные издержки, привлекая дополнительное финансирование, а также обеспечивая общественную, информационную и политическую поддержку.

5. *Предоставление инновационных механизмов имплементации решений.* Сети могут быть созданы для реализации решений, принятых на межгосударственном уровне.

Приблизиться к пониманию функций сетей в глобальном управлении позволяет анализ их функций на региональном уровне, в частности в рамках Европейского союза⁷. ЕС является уникальным примером наднациональной интеграции со сложной дифференцированной системой управления, в которой и процесс, и правила принятия решений, а также основные акторы сильно различаются в зависимости от секторов политики и сферы компетенции наднациональных органов [Besussi, 2006: 10–11]. При этом процедура выработки политики в значительной степени зависит от специфических знаний и информации, зачастую недоступной без привлечения сторонних экспертов и широкого круга стейкхолдеров. Таким образом, большинство наднациональных решений в Европейском союзе разрабатывают и принимают при участии большого количества акторов, включенных в систему сетевых взаимодействий между наднациональными, субнациональными и национальными институтами на наднациональном и межгосударственном уровнях.

Оперируя «в тени иерархии» [Börzel, 2007], политические сети в свою очередь поддерживают функционирование многоуровневого управления, не в последнюю очередь потому, что их деятельность облегчает использование стейкхолдерами «путей доступа» (route of

⁷ На данный момент изучение функций политических сетей на пространстве ЕС является одним из наиболее развитых направлений в рамках сетевых исследований политического процесса [Börzel, 2011: 49–63; Börzel, 1998: 253–273; Besussi, 2006; Стрежнева, 2008; Стрежнева (отв. ред.), 2010; Стрежнева, 2011: 106–125].

influence)⁸ к процессу принятия решений. Согласно классификации британского специалиста в области представительства интересов в ЕС Дж. Гринвуда, данные пути доступа можно условно разделить на два типа — *национальный* и *«брюссельский»* [Greenwood, 2011: 25–26]. Несмотря на существующие между ними различия, они не являются взаимоисключающими.

Национальный путь доступа обусловлен значимой ролью государств-членов, их национальных институтов и структур в процессе принятия решений на уровне ЕС. Использование данного пути может быть связано со спецификой представляемых интересов или же с желанием задействовать уже имеющиеся связи и механизмы на национальном уровне, которые зачастую являются не только более привычными, но и более подходящими для представления интересов [Янинг Йозеф, 2011].

«Брюссельский» путь доступа подразумевает прямое взаимодействие с наднациональными институтами и в настоящий момент является более востребованным для представительства интересов, поскольку в первую очередь позволяет находиться в непосредственном близком контакте с лицами, задействованными в политическом процессе на уровне ЕС.

К основным контрагентам официальных органов Европейского союза следует отнести группы интересов, т.е. «индивидов, организации или институты, объединенные в единую структуру, стремящуюся повлиять на публичную политику» [Eising, 2008]. Для многих групп интересов, представленных в ЕС, зачастую характерна именно сетевая форма организации.

Для того чтобы обладать большими шансами на внесение вклада в процесс выработки политики и принятия решений, группам интересов необходимо располагать определенными *благами* (*access/critical access goods*) [Bouwen, 2004]. Иными словами, в обмен на право принять участие в указанных процессах группы интересов должны предоставить некое благо, необходимое официальному институту, например информацию, политическую поддержку или повышение статуса (популярности) института за счет поддержки со стороны группы интересов, которой симпатизирует широкая общественность.

В этой связи возникает вопрос: можно ли говорить о существовании общей логики путей доступа на глобальном и европейском уровнях, и если да, то будет ли их структура аналогичной или хотя бы схожей?

⁸ Несмотря на то что при прямом переводе с англ. термин «route of influence» звучит как «путь влияния», в данной статье мы будем переводить его как «путь доступа», поскольку, во-первых, это не искажает его значения, а во-вторых, обеспечивает важную связку с другим термином — «access goods».

Для ответа на этот вопрос необходимо помнить о том, что на глобальном уровне, в отличие от европейского, фактически отсутствует единая система полноценных и обладающих властными полномочиями управленческих институтов. Это означает, что в настоящий момент воздействие на глобальную политику подразумевает необходимость выхода на национальные государства. Даже несмотря на возрастающую роль межправительственных организаций (например, таких как «Большая восьмерка», «Большая двадцатка»), влияние на их деятельность стейкхолдеры могут оказывать главным образом через национальный путь доступа, т.е. через правительства стран-членов. Логично предположить, что «блага для доступа» в этом случае должны носить исключительный характер, поскольку выход на этот путь требует контактов с наиболее высокопоставленными чиновниками.

Аналогом «брюссельского» мог бы служить «ню-йоркский» путь доступа — через использование институтов ООН. Структура ООН является достаточно сложной и разветвленной, а при Генассамблее, Секретариате и ЭКОСОС существует большое разнообразие агентств, консультативных органов и организаций. Однако ООН часто и давно подвергают критике за излишний бюрократизм, неспособность своевременно реагировать на меняющуюся международную обстановку и кризисы. Кроме того, до последнего времени ООН весьма неохотно взаимодействовала с частным сектором, и их отношениям было присуще обоюдное недоверие [Voas et al., 2004: 484]. В частности, на официальном сайте «ООН и бизнес» в разделе «Истории о сотрудничестве» сказано лишь о 158 примерах партнерства ООН с компаниями. Для подобной крупной международной организации с практически 70-летней историей это исключительно низкий показатель, свидетельствующий о том, что данный важнейший формат сотрудничества только начинает свое формирование. Иного рода партнерством является сотрудничество по инициативе Глобального Договора (Global Compact), однако это направление деятельности имеет весьма ограниченные цели и направлено на гармонизацию политики и стратегии отдельно взятой фирмы в соответствии с 10 основополагающими принципами из области прав человека, трудовых отношений, охраны окружающей среды и борьбы с коррупцией. Следовательно, было бы преждевременно сегодня утверждать, что «ню-йоркский» путь доступа функционирует полноценно.

В настоящих условиях корректно говорить об образовании многочисленных альтернативных путей доступа, причем в большей степени к формированию глобальной повестки дня, нежели к процессу принятия решений. Несмотря на возросшую роль новых акторов мировой политики, национальное государство вне наднациональных интеграционных объединений стабильно сохраняет за

собой главенствующую роль в определении собственного политического курса.

Примером альтернативного пути доступа к процессу определения глобальной повестки дня может служить Всемирный экономический форум, ВЭФ (Давосский форум, World Economic Forum, WEF). Одной из ключевых черт этого института является неформальный характер встреч, проходящих в его рамках, благодаря чему общение и обмен мнениями проходит в более доверительной атмосфере, не скованной протоколом и стенограммами [Саворская, 2012]. Данная особенность была отмечена в итоговом документе о результатах работы Всемирного экономического форума 1983 г. В нем было сказано, что ежегодная сессия ВЭФ оказалась «одним из тех редких международных событий, на котором можно обойтись без формальностей, установить личные контакты, совершенно свободно опробовать новые идеи, где присутствующие осознают ответственность, лежащую на членах международного сообщества, на котором можно рассмотреть действительно важные проблемы, а не заниматься повседневными вопросами» [Zwick et al., 2009: 47]. В работе ВЭФ принимают участие представители гражданского общества, НПО, бизнеса, правительств различных государств, что делает форум благоприятной средой для «нетворкинга» на глобальном уровне и обеспечивает наличие всех необходимых «составных частей» для потенциального формирования эффективной сети глобальной публичной политики либо информационных сетей на основе существующих сообществ форума или на базе межличностных связей.

* * *

В отличие от многих конвенциональных научных концепций, которые иногда уже не в полной мере адекватно отображают сложившуюся практику процесса принятия решений, концепция политических сетей предоставляет ученым и аналитикам инструментарий для исследования неформализованной сферы функционирования и взаимодействия социальных и управленческих акторов. В то же время концепция политических сетей не является обособленной, а, напротив, удачно сочетается с другими относительно новыми направлениями в политической науке, такими как концепции глобального и многоуровневого управления, а некоторые ее положения во многом схожи с теорией плюрализма и теорией элит. В настоящий момент концепция политических сетей получает все большее распространение применительно к исследованию глобального уровня.

Основные линии влияния политических сетей на процессы надгосударственного регулирования на глобальном уровне состоят в первую очередь в том, что они способны стать своеобразной

«страховочной сеткой», поддерживающей деятельность официальных органов в случаях, когда те не в состоянии быстро адаптироваться к изменениям, происходящим в их среде. Политические сети облегчают выработку единой позиции по различным проблемам, т.е. способствуют формированию глобального общественного мнения по основным пунктам повестки дня. Кроме того, политические сети, функционирующие на глобальном уровне, содействуют первым шагам на пути к институционализации формальных механизмов глобального управления, «выигрывая время» для проведения необходимых реформ в иерархических структурах.

Тем самым политические сети с высокой долей вероятности будут играть все более выразительную роль как в современной, так и в будущей мировой политике, а концепция политических сетей будет становиться все более важным методологическим инструментом в осмыслении процессов надгосударственного управления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева Т.А. Возможна ли «глобальная справедливость»? // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 6. С. 18–22.
2. Барабанов О.Н., Голицын В.А., Терешенко В.В. Глобальное управление. М.: МГИМО-Университет, 2006.
3. Кокошин А.А. Путь России в глобальной экономике. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова; Центр проблем национальной безопасности России, 1999.
4. Саворская Е.В. Сетевой компонент в деятельности Давосского форума // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2012. № 2. С. 158–168.
5. Сергеев В.М., Казанцев А.А. Сетевая динамика глобализации и типология «глобальных ворот» // Полис. 2007. № 2. С. 18–30.
6. Сергеев В.М., Кузьмин А.С., Нечаев В.Д., Алексеенкова Е.С. Доверие и пространственное взаимодействие социальных сетей // Полис. 2007. № 2. С. 8–17.
7. Сморгунов Л.В. Сетевая методология исследования политики // Политический анализ: Доклады Центра эмпирических политических исследований СПбГУ. Вып. 2 / Под ред. Г.П. Артёмова. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2001а.
8. Сморгунов Л.В. Сетевой подход к политике и управлению // Полис. 2001б. № 3. С. 103–113.
9. Стрежнева М.В. Многоуровневое финансовое управление на пространстве Европейского союза // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2011. № 4. С. 106–125.
10. Стрежнева М.В. Структурирование политического пространства в Европейском союзе (многоуровневое управление) // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 12. С. 38–49.

11. Стрежнева М.В. «Трансправительственные сети» в ЕС // Международные процессы. 2008. Т. 6. № 1(16). Доступ: <http://www.intertrends.ru/sixteenth/016.htm>. (дата обращения: 26.07.2013).

12. Сулов Д.В. Можно ли управлять миром // Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут все изменить: Сб. ст. / Под ред. С.А. Караганова. М.: АСТ, Русь-Олимп, 2008.

13. Транснациональное политическое пространство: новые реальности международного развития / Отв. ред. М.В. Стрежнева. М.: ИМЭМО РАН, 2010.

14. Фельдман Д.М. О правилах мировой политики // Вопросы филологии. 2012. № 5. С. 35–46.

15. Швейкина Н.С. Глобальное управление как предмет политологического исследования: концептуальные характеристики // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4-го Конвента РАМИ: В 10 т. Т. 9: Перспективы надгосударственного управления в глобальном и региональном масштабе / Под общ. ред. А.Ю. Мельвиля; ред. тома О.Н. Барабанова; Рос. ассоциация междунар. исследований. М.: МГИМО-Университет, 2007. С. 24–29.

16. Янинг Йозеф. Экспертное интервью с Йозефом Янингом, директором по исследованиям Центра европейской политики, Брюссель, проведенное Саворской Е.В. 25 октября 2011 г. Архив кафедры политики и функционирования Европейского союза и Совета Европы Европейского учебного института при МГИМО (У) МИД России.

17. Bache I., Flinders M. Multi-level governance and the study of the British state // Public Policy Administration. 2004. Vol. 19. P. 31–51.

18. Benner T., Reinicke W.H., Witte J.M. Shaping Globalization: The role of global public policy networks // Bertelsmann Foundation (eds.). Transparency: a basis for responsibility and cooperation. Gütersloh: Bertelsmann Foundation Publishers, 2002. Available at: http://www.gppi.net/fileadmin/gppi/BF_Beitrag_englisch_Final_05172002.pdf (accessed: 26.07.2013).

19. Besussi E. Policy networks: conceptual developments and their European applications // Center for Advanced Spatial Analysis. Working paper series. London: University College London, 2006. Vol. 102. P. 1–18.

20. Bevir M., Rhodes R.A.W. Interpreting British governance. London: Routledge, 2003.

21. Biersteker T.J. Global Governance // Cavelti M.D., Mauer V. (Eds.) Routledge Companion to Security. New York and London: Routledge Publishers, 2009. P. 439–451.

22. Boas M., Bull B., McNeill D. Private sector influence in the multilateral system: a changing structure of world governance? // Global Governance. 2004. Vol. 10. No. 4. P. 484.

23. Börzel T.A. Organizing Babylon — On the different conceptions of policy networks // Public Administration. 1998. Vol. 76. No. 2. P. 253–273.

24. Börzel T.A. Networks: reified metaphor or governance panacea? // Public Administration. 2011. Vol. 89. No. 1. P. 49–63.

25. Börzel T.A. European governance: negotiation and competition in the shadow of hierarchy // Paper prepared for the European Union Studies Association meeting. Montreal, 2007.

26. Bouwen P. Exchanging access goods for access: a comparative study of business lobbying in the European Union institutions // *European Journal of Political Research*. 2004. No. 43(3). P. 337–369.
27. Bruhl T., Rittberger V. From international to global governance: Actors, collective decision-making // *Global Governance and the United Nations System*. United Nations University Press, 2001.
28. Carroll W.K. Transnationalists and national networkers in the global corporate elite // *Global Networks*. 2009. Vol. 9. No. 3. P. 289–314.
29. Commission on Global Governance. *Our global neighborhood: the report of the Commission on Global Governance*. Oxford: Oxford University Press, 1995.
30. Dingwerth K. From international politics to global governance? The case of nature conservation // Institute for Intercultural and International Studies (InIIS), Universität Bremen. GARNET Working Paper № 46/08. June 2008.
31. Dingwerth K., Pattberg P. Global Governance as a perspective on world politics // *Global Governance*. 2006. No. 12. P. 185–203.
32. Eising R. Interest groups in EU policy-making // *Living Reviews in European Governance*. 2008. Vol. 3. No. 4. Available at: <http://www.livingreviews.org/lreg-2008-4> (accessed: 26.07.2013).
33. Finkelstein L.F. What is Global Governance? // *Global Governance*. 1995. No. 1. P. 367–372.
34. The Global Compact. Available at: http://www.unglobalcompact.org/Languages/russian/ten_principles.html (accessed: 26.07.2013).
35. Global Water Partnership. Available at: <http://www.gwp.org/en/About-GWP/The-network/> (accessed: 26.07.2013).
36. Greenwood J. *Interest Representation in the European Union*. 3rd ed. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2011. P. 25–26.
37. Hafner-Burton E.M., Kahler M., Montgomery A.H. Network analysis for international relations // *International Organization*. 2009. Vol. 63. No. 3. P. 559–592.
38. Held D., Koenig-Archibugi M. *Taming globalization: frontiers of governance*. Cambridge, UK: Polity Press, 2003.
39. Hooghe L. *Cohesion policy and European integration: building multi-level governance*. Oxford: Oxford University Press, 1996.
40. Hooghe L., Marks G. *Multi-level governance and European integration*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publishers, 2001.
41. Hooghe L., Marks G. Types of multi-level governance. *European Integration Online*, 2001.
42. Keohane R.O. Global Governance and democratic accountability // Held D., Koenig-Archibugi M. (Eds.) *Taming globalization: frontiers of governance*. Cambridge, UK: Polity Press, 2003. P. 130–160.
43. Knoke D. *Political networks: the structural perspective*. Cambridge [England]: Cambridge University Press, 1990.
44. Knoke D., Kuklinski J. *Network Analysis*. Beverly Hills, 1982.
45. Müller P.S., Lederer M. Demarcating politics challenging global governance: a critical perspective. ELRC/CPOGG workshop at Harvard Law School. October 3–4, 2003.
46. National Intelligence Council (U.S.), Institute for Security Studies (Paris, France). *Global Governance 2025 at a critical juncture*. [Washington, D.C.],

National Intelligence Council, 2010. Available at: <http://purl.fdlp.gov/GPO/gpo12194> (accessed: 26.07.2013).

47. Rhodes R.A.W. Control and power in central-local government relations. Farnborough, Hants, Gower, 1981.

48. Rhodes R.A.W. Understanding governance: policy networks, governance, reflexivity, and accountability. Buckingham: Open University Press, 1997.

49. Rhodes R.A.W., Marsh D. Policy network in British politics. A critique of existing approaches // Marsh D., Rhodes R.A.W. Policy networks in British government. Oxford: Clarendon Press, 1992.

50. Rosenau J.N. Along the domestic-foreign Frontier. Exploring Governance in a turbulent world. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

51. Rosenau J.N. Governance in a New Global Order in Governing // Held D., McGrew A. (Eds.) Globalization: power, authority and global governance. Cambridge: Polity Press, 2002. P. 71–73.

52. Rosenau J.N., Czempiel E.O. Governance without government: order and change in world politics. Cambridge [England]: Cambridge University Press, 1992.

53. Slaughter A.-M. A New World Order. New Jersey: Princeton University Press, 2004.

54. Stone D. Global public policy, transnational policy communities and their networks // Policy Studies Journal. 2008. Vol. 36. P. 19–38.

55. Streck C. Global public policy networks as coalitions for change. Global environmental governance, options and opportunities. New Haven: Yale School of Forestry and Environmental Studies, 2002. Available at: <http://environment.research.yale.edu/documents/downloads/o-u/streck.pdf> (accessed: 26.07.2013).

56. Weiss T.G. Governance, good governance and global governance: conceptual and actual challenges // Third World Quarterly: Journal of Emerging Areas. 2000. 21. No. 5. P. 795–814.

57. Zwick M., Reyes A., Schwab K. World Economic Forum: a partner in shaping history: the first 40 years, 1971–2010. Geneva, Switzerland, World Economic Forum, 2009. Available at: <http://www.weforum.org/pdf/40years.pdf> (accessed: 26.07.2013).

E. V. Savorskaya

POLICY NETWORK CONCEPT AND GLOBAL GOVERNANCE THEORY

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*

The paper assesses the potential of applying policy network concept in global governance studies. By comparing various definitions of global governance it demonstrates methodological value of conceptualizing this phenomenon as an interaction between subjects connected non-hierarchically. The paper provides some examples of state-centric and pluralist typologies of policy networks and deconstructs scholars' interpretations of how policy networks emerge and function. It also examines the differences in functioning of national and supra-national routes of influence over the decision-making process

used by stakeholders at the regional (European) and global levels. Special attention is paid to the World Economic Forum as an example of alternative route of influence over the global agenda-setting.

Keywords: global governance, multilevel governance, policy networks, network approach, organizations theory, theory of international regimes, transnational actors, non-governmental organizations, decision-making process, routes of influence, World Economic Forum.

About the author: *Ekaterina V. Savorskaya* — PhD (Political Science), Senior Lecturer at the Chair of International Organizations and World Political Processes, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: esavorskaya@gmail.com).

REFERENCES

1. Alekseeva T.A. 2011. Vozmozhna li “global’naya spravedlivost’”? [Whether international justice is possible?]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, no. 6, pp. 18–22. (In Russ.).
2. Barabanov O.N., Golicyn V.A., Tereshhenko V.V. 2006. *Global’noe upravlenie* [Global governance]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ. (In Russ.).
3. Kokoshin A.A. 1999. *Put’ Rossii v global’noy ekonomike* [Russia’s path in global economy]. Moscow. (In Russ.).
4. Savorskaja E.V. 2012. Setevoy komponent v deyatelnosti Davossskogo foruma [Networking in Davos: Global Agenda Councils and Global Redesign Initiative]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika* [Moscow State University Bulletin. Series 25. International Relations and World Politics], no. 2, pp. 158–168. (In Russ.).
5. Sergeev V.M., Kazancev A.A. 2007. Setevaya dinamika globalizatsii i tipologiya “global’nykh vorot” [Net dynamics of Globalization and typology of global gateways]. *Polis*, no. 2, pp. 18–30. (In Russ.).
6. Sergeev V.M., Kuz’min A.S., Nechaev V.D., Alekseenkova E.S. 2007. Doverie i prostranstvennoe vzaimodeystvie sotsial’nykh setey [The Trust and Spatial Interaction of Social Nets]. *Polis*, no. 2, pp. 8–17. (In Russ.).
7. Smorgunov L.V. 2001a. *Setevaya metodologiya issledovaniya politiki* [Net methodology for political research]. Politicheskii analiz: Doklady Tsentra empiricheskikh politicheskikh issledovaniy SPbGU [The political analysis: the reports of the Center for empirical political investigations (CEPI)]. Number 2. Edited by George Artyomov. St.-Petersburg: St. Petersburg University Press. (In Russ.).
8. Smorgunov L.V. 2001b. Setevoy podkhod k politike i upravleniyu [The Network Approach to Policy Making and Governance]. *Polis*, no. 3, pp. 103–113. (In Russ.).
9. Strezhneva M.V. 2011. Mnogourovnevoe finansovoe upravlenie na prost-ranstve Evropeyskogo soyuza [Multi-level Financial Governance in the European Union]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika* [Moscow State University Bulletin. Series 25. International Relations and World Politics], no. 4, pp. 106–125. (In Russ.).

10. Strezhneva M.V. (Ed.). 2010. *Transnatsional'noe politicheskoe prostranstvo: novye real'nosti mezhdunarodnogo razvitiya* [Transnational political space: new realities of international development]. Moscow, IMEMO RAN Publ. (In Russ.).
11. Strezhneva M.V. 2008. "Transpravitel'stvennyye seti" v ES ["Trans-Governmental" Networks in the European Union]. *Mezhdunarodnyye protsessy* [International trends], vol. 6, no. 1(16). Available at: <http://www.intertrends.ru/sixteenth/016.htm> (accessed: 26.07.2013). (In Russ.).
12. Strezhneva M.V. 2009. Strukturirovanie politicheskogo prostranstva v Evropeyskom soyuze (mnogourovnevoe upravlenie) [Structuring of Political Space in European Union]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, no. 12, pp. 38–49. (In Russ.).
13. Suslov D.V. 2008. Mozhno li upravlyat' mirom [If it's possible to govern the world], in Karaganov S.A. (Ed.) *Rossiya i mir. Novaya epokha. 12 let, kotorye mogut vse izmenit'* [Russia and world. New epoch, 12 years that could change everything]. Moscow, AST: Rus'-Olimp Publ. (In Russ.).
14. Fel'dman D.M. 2012. O pravilakh mirovoy politiki [On the Rules of World Politics]. *Voprosy filosofii*, no. 5, pp. 35–46. (In Russ.).
15. Shvejkina N.S. 2007. Global'noe upravlenie kak predmet politologicheskogo issledovaniya: kontseptual'nye kharakteristiki [Global governance as subject for political analysis: conceptual characteristics], in Mel'vil' A.Ju. (Ed.) *Prostranstvo i vremya v mirovoy politike i mezhdunarodnykh otnosheniyakh: materialy 4-go Konventa RAMI* [Time and space in world politics and international relations: Proc. 4th RAMI Conv.] Vol. 9. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., pp. 24–29. (In Russ.).
16. Janning J. 2011. *Ekspertnoe interv'yu s Yozefom Yaningom, Direktorom po issledovaniyam Tsentra Evropeyskoy politiki, Brjussel', provedennoe Savorskoy E.V. 25 oktjabrja 2011 g.* [Interview with Josef Janning, Director of Studies at the European Policy Centre, Brussels, by Savorskaya E.V., 25 Oct. 2011]. Arkhiv kafedry politiki i funkcionirovaniya Evropeyskogo Soyuzha i Soveta Evropy Evropeyskogo uchebnogo instituta pri MGIMO (U) MID Rossii [Archive of the European Studies Institute of Moscow State Institute for International Affairs (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation]. (In Russ.).
17. Bache I., Flinders M. 2004. Multi-level governance and the study of the British state. *Public Policy Administration*, vol. 19, no. 1, pp. 31–51.
18. Benner T., Reinicke W.H., Witte J.M. 2002. Shaping Globalization: the role of global public policy networks. In Bertelsmann foundation (Eds.). *Transparency: a basis for responsibility and cooperation*. Gütersloh: Bertelsmann Foundation Publishers. Available at: http://www.gppi.net/fileadmin/gppi/BF_Beitrag_englisch_Final_05172002.pdf (accessed: 26.07.2013).
19. Bevussi E. 2006. Policy networks: conceptual developments and their European applications. *Center for Advanced Spatial Analysis. Working paper series*. London: University College London, vol. 102, pp. 1–18.
20. Bevir M., Rhodes R.A.W. 2003. *Interpreting British governance*. London, Routledge.
21. Biersteker T.J. 2009. Global Governance. In Cavelti M.D., Mauer V. (Eds.) *Routledge Companion to Security*. New York and London: Routledge Publishers, pp. 439–451.

22. Boas M., Bull B., McNeill D. 2004. Private sector influence in the multilateral system: a changing structure of world governance? *Global Governance*, vol. 10, no. 4, pp. 481–498.
23. Börzel T.A. 1998. Organizing Babylon — On the different conceptions of policy networks. *Public Administration*, vol. 76, no. 2, pp. 253–273.
24. Börzel T.A. 2011. Networks: reified metaphor or governance panacea? *Public Administration*, vol. 89, no. 1, pp. 49–63.
25. Börzel T.A. 2007. European governance: negotiation and competition in the shadow of hierarchy. *Paper prepared for the European Union Studies Association meeting*. Montreal.
26. Bouwen P. 2004. Exchanging access goods for access: a comparative study of business lobbying in the European Union institutions. *European Journal of Political Research*, vol. 43, no. 3, pp. 337–369.
27. Bruhl T., Rittberger V. 2001. From international to global governance: Actors, collective decision-making. *Global Governance and the United Nations System*. United Nations University Press.
28. Carroll W.K. 2009. Transnationalists and national networkers in the global corporate elite. *Global Networks*, vol. 9, no. 3, pp. 289–314.
29. Commission on Global Governance. 1995. *Our global neighborhood: the report of the Commission on Global Governance*. Oxford, Oxford University Press.
30. Dingwerth K. 2008. From international politics to global governance? The case of nature conservation. *Institute for Intercultural and International Studies (InIIS), Universität Bremen*. GARNET Working Paper № 46/08. June 2008.
31. Dingwerth K., Pattberg P. 2006. Global governance as a perspective on world politics. *Global Governance*, vol. 12, no. 2, pp. 185–203.
32. Eising R. 2008. Interest groups in EU policy-making. *Living Reviews in European Governance*, vol. 3, no. 4. Available at: <http://www.livingreviews.org/lreg-2008-4> (accessed: 26.07.2013).
33. Finkelstein L.F. 1995. What is Global Governance? *Global Governance*, no. 1, pp. 367–372.
34. The Global Compact. Available at: http://www.unglobalcompact.org/Languages/russian/ten_principles.html (accessed: 26.07.2013).
35. Global Water Partnership. Available at: <http://www.gwp.org/en/About-GWP/The-network/> (accessed: 26.07.2013).
36. Greenwood J. 2011. *Interest Representation in the European Union*, 3rd ed. Houndmills, Basingstoke, Hampshire, Palgrave Macmillan, pp. 25–26.
37. Hafner-Burton E.M., Kahler M., Montgomery A.H. 2009. Network analysis for international relations. *International Organization*, vol. 63, no. 3, pp. 559–592.
38. Held D., Koenig-Archibugi M. 2003. *Taming globalization: frontiers of governance*. Cambridge, UK, Polity Press.
39. Hooghe L. 1996. *Cohesion policy and European integration: building multi-level governance*. Oxford, Oxford University Press.
40. Hooghe L., Marks G. 2001a. *Multi-level governance and European integration*. Lanham, MD, Rowman & Littlefield Publishers.
41. Hooghe L., Marks G. 2001b. *Types of multi-level governance*. European Integration Online.

42. Keohane R.O. 2003. Global Governance and democratic accountability. In Held D., Koenig-Archibugi M. (Eds.) *Taming globalization: frontiers of governance*. Cambridge, UK: Polity Press, pp. 130–160.
43. Knoke D. 1990. *Political networks: the structural perspective*. Cambridge [England], Cambridge University Press.
44. Knoke D., Kuklinski J. 1982. *Network Analysis*. Beverly Hills.
45. Müller P.S., Lederer M. 2003. *Demarcating politics challenging global governance: a critical perspective*. ELRC/CPOGG workshop at Harvard Law School. October 3–4, 2003.
46. National Intelligence Council (U.S.), Institute For Security Studies (Paris, France). 2010. *Global governance 2025 at a critical juncture*. [Washington, D.C.], National Intelligence Council. Available at: <http://purl.fdlp.gov/GPO/gpo12194>. (accessed: 26.07.2013).
47. Rhodes R.A.W. 1981. *Control and power in central-local government relations*. Farnborough, Hants, Gower.
48. Rhodes R.A.W. 1997. *Understanding governance: policy networks, governance, reflexivity, and accountability*. Buckingham, Open University Press.
49. Rhodes R.A.W., Marsh D. 1992. Policy network in British politics. A critique of existing approaches. In Marsh D., Rhodes R.A.W. *Policy networks in British government*. Oxford, Clarendon Press.
50. Rosenau J.N. 1997. *Along the domestic-foreign Frontier. Exploring Governance in a turbulent world*. Cambridge: Cambridge University Press.
51. Rosenau J.N. 2002. Governance in a New Global Order in Governing. In Held D., McGrew A. (Eds.) *Globalization: power, authority and global governance*. Cambridge, Polity Press, pp. 71–73.
52. Rosenau J.N., Czempel E.O. 1992. *Governance without government: order and change in world politics*. Cambridge [England], Cambridge University Press.
53. Slaughter A.-M. 2004. *A New World Order*. New Jersey, Princeton University Press.
54. Stone D. 2008. Global public policy, transnational policy communities and their networks. *Policy Studies Journal*, vol. 36, no. 1, pp. 19–38.
55. Streck C. 2002. Global public policy networks as coalitions for change. *Global environmental governance, options and opportunities*. New Haven: Yale School of Forestry and Environmental Studies. Available at: <http://environment.research.yale.edu/documents/downloads/o-u/streck.pdf> (accessed: 26.07.2013).
56. Weiss T.G. 2000. Governance, good governance and global governance: conceptual and actual challenges. *Third World Quarterly: Journal of Emerging Areas*, vol. 21, no. 5, pp. 795–814.
57. Zwick M., Reyes A., Schwab K. 2009. *World Economic Forum: a partner in shaping history: the first 40 years, 1971–2010*. Geneva, Switzerland, World Economic Forum. Available at: <http://www.weforum.org/pdf/40years.pdf> (accessed: 26.07.2013).